

Слово редактора

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ ТЕОРИИ БЮРОКРАТИИ: СЛУЧАЙ РОССИИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: В статье ставится проблема использования преобразований в России последних трехсот лет как материала для создания теории бюрократии, которая отличается от веберовской концепции. Эта проблема решается на основе применения концепций, разработанных в Ростовской школе политических наук Южного федерального университета (Россия). Разрабатывается понятийный аппарат, позволяющий изучать российскую, советскую и постсоветскую бюрократию во взаимосвязи с процессом формирования в России оппозиции, свободной от стереотипов бюрократической деятельности, поведения и мышления. Такая оппозиция не смогла возникнуть ни в монархической, ни в советской, ни в постсоветской России. Причины объясняются в теории бюрократии, которая содержит реконструкцию марковского определения бюрократии как социального организма-паразита, отражения множества социальных противоречий и воплощения политического отчуждения. Обсуждаются когнитивная ситуация в современной России; способы обхода исследователем выбора, навязанного ему постсоветской властью, специфики генезиса и структуры полицейского общества в стране.

Ключевые слова: советская бюрократия, подходы к ее исследованию, способы воспроизводства в современной России.

Несостоявшийся столетний юбилей

Столетие Советского Союза – важный повод для пересмотра системы иллюзий, накопленных во время его существования. Среди них находится идея о возможности создания рая на земле – *нового мира*. Это представление возникло в итоге секуляризации религиозной мысли и образует мировоззренческий костяк современности, созданный Н. Макиавелли, Ж. Руссо, К. Марксом и Ф. Ницше [Штраус 2001: 68–81]. На тексты этих мыслителей опирались целые поколения реальных политиков и политические институты множества государств в течение полутысячи лет. Непредвиденные последствия корпуса данных текстов обсуждаются до сих пор.

Частным случаем воплощения указанной идеи была попытка полного переустройства социального порядка в России. Она базировалась на убеждении русских революционеров: новое общество воплотит в жизнь идеалы истины, добра, справедливости, красоты, станет образцом для подражания во всем мире. Три четверти столетия спустя оказалось, что потуги

напрасны. Значит, сложившаяся в СССР система управления государством не может считаться образцом для подражания [Хобсбаум 2004].

Прежде всего потому, что советская бюрократия унаследовала все свойства царской бюрократии, которая начала воспроизводить самое себя уже в начале XIX в. Возникшая при Сталине номенклатура стала господствующим эксплуататорским привилегированным классом СССР. Свойства российской бюрократии и советской номенклатуры унаследованы нынешним государственным аппаратом России. Социологические исследования, проведенные на протяжении 1990–2005 гг., обнаружили показательный синтез: на вершину власти в стране отбирается безынициативный приспособленец – в условиях господства холуйства как типа российской политической культуры [Гудков и др. 2007: 200–202].

Не менее важно обратить внимание на факт: Петр I стал инициатором отождествления *общего блага* населения России со службой Отечеству, под которым он понимал свою собственную неограниченную власть. Отсюда вытекало оправдание любых жестокостей во имя фикции государства [Хархордин 2011: 55]. Со второй половины XIX в. до настоящего времени в России произошли реформа (1861 г.), революция сверху (1905–1917 гг.), индустриализация, коллективизация, культурная и научно-техническая революции (1930–1970 гг.), перестройка (1985–1991 гг.), опять реформа (1992–2000 гг.). Все эта цепь процессов и событий завершилась переходом к реакции (2001–2010) [Олейник 2011; Иноземцев 2013].

На протяжении XX века господствующие меньшинства СССР/России истратили на преобразования громадные природные и человеческие ресурсы. Но по всем характеристикам качества человеческой жизни и технологий Россия по-прежнему отстает от ведущих стран мира. Реформы, революции и перестройки закончились эволюционным тупиком, выход из которого не найден. Поэтому на протяжении последнего десятилетия большинство россиян не хочет иметь дела с государством [Эппле 2020: 432].

Эта ситуация – следствие господства бюрократии над населением страны. В литературе феномен бюрократии обычно трактуется на основе концепции М. Вебера и ее развития в трудах Т. Парсонса, Р. Мертона, М. Крозье и др. Однако уже в период *перестройки* здравомыслящие социологи показали, что применять концепцию Вебера к объяснению советской бюрократии нельзя – надо искать другие подходы [Ионин, Шкаратан 1989: 426–427]. Двадцать лет спустя аналогичные суждения высказаны в отношении российской бюрократии [Российское государство... 2007; Клямкин, Кутковец].

Постановка проблемы

Развитие этого подхода начну с констатации: для Маркса Англия послужила страной, в процессе изучения которой он создал свой вариант теории капитализма. Данная теория базировалась на обобщении истории первоначального накопления капитала в течение не менее трех столетий. Отсюда вытекает вопрос: не могут ли преобразования России последних трехсот лет послужить материалом для создания теории бюрократии, которая отличается от веберовского концепта бюрократии как рационального управления государством?

Историческая часть ответа на вопрос здесь не рассматривается. Ограничусь несколькими штрихами концептуализации предполагаемого материала. К. Виттфогель в 1930-е гг. начал разрабатывать теорию гидравлического государства для объяснения природы аграрных бюрократий Египта и Китая. В окончательном виде эта теория сложилась в середине 1950-х гг., когда Виттфогель ввел категории «всемирно-исторической трагедии» и «аппаратного государства». Первая из них описывала систему восточного деспотизма, вторая – политическую историю СССР как ее разновидность. На рубеже XX–XXI веков произошла реанимация теории гидравлического государства [Галеев 2011]. В России ее оценка возникает на

фоне интеграции востоковедения с критическим марксизмом и процессом разработки контридеологии [Алаев 2019; Философия и идеология... 2018].

Теорию Виттфогеля сегодня можно дополнить концепциями *сталинской бюрократии* Л. Троцкого, *нового класса* М. Джиласа, *номенклатуры* М. Восленского. Все они образуют ряд попыток выхода за пределы марксистской догматики при обсуждении природы советской бюрократии. Эти ученые и политики способствовали тому, что проблема бюрократии начала рассматриваться в контексте революционного процесса, включая близкие и отдаленные последствия революций в каждой стране. С этой точки зрения история России в XX веке дает богатейший материал для синтеза теории бюрократии с теориями революций и революционной практикой.

В Ростовской школе политических наук, которая сложилась на базе Южного федерального (бывшего Ростовского государственного) университета, такой подход развивается с 1980-х гг. На протяжении предыдущих сорока лет здесь проведены фундаментальные исследования, посвященные изучению различных аспектов указанной задачи. Они воплощены в трех десятках монографий, восьмитомном собрании сочинений, издании журнала, докторских и кандидатских диссертациях, примерно тысяче научных и публицистических статей, а также публичных лекциях в Рунете.

Итогом является разработка понятийного аппарата, позволяющего изучать российскую, советскую и постсоветскую бюрократию во взаимосвязи с процессом формирования в России оппозиции, свободной от стереотипов бюрократической деятельности, поведения и мышления. Такая оппозиция не смогла возникнуть ни в монархической, ни в советской, ни в постсоветской России. Причины этого объясняются в теории бюрократии, которая содержит реконструкцию марксового определения бюрократии как социального организма-паразита, отражения множества социальных противоречий и воплощения политического отчуждения.

Русская бюрократия возникала как элемент системы власти-собственности в ее монархической, советской и постсоветской формах. Для анализа данной системы используются концепты политического отчуждения, гражданского отчуждения и гражданского сопротивления. Они могут также применяться для составления программы исследований современной российской номенклатуры.

Эта программа базируется на критике всех концепций политического как отношения между «своими-чужими» (традиционный трайбализм) и «друзьями-врагами» (версия К. Шмитта) [Подорога 2010]. Из указанных концепций вытекает определенная трактовка государственного разума (интереса) в системе Шмитта, которая уже подвергалась критике [Филиппов 2005: 277–322]. Маркс показал, что государственный разум (интерес) входит в состав бюрократического отношения к действительности и одновременно его конституирует. Ни у Вебера, ни у Шмитта такой постановки проблемы обнаружить нельзя. Поэтому концепция бюрократии Маркса сохраняет свой эвристический потенциал. Тем более что бюрократическое содержание государственных интересов царской, советской и нынешней России только начинает обсуждаться.

В 1990-м году автор предложил рассматривать процессы трансформации России не через призму концепции *перестройки* (такую точку зрения внедряла в массовое сознание политическая и идеологическая номенклатура СССР), а как продукт влияния на политическое сознание и поведение населения страны кадров аппарата КПСС, профессиональных военных, государственной администрации, органов госбезопасности, МВД и СМИ, а также пенсионеров и молодежных организаций всех указанных структур. Из них и составлен костяк современной бюрократии России (за исключением аппарата КПСС, на роль которого претендует администрация президента в единстве с аппаратом «Единой России»). Это и есть ны-

нешний «свой-чужой» и «друг-враг» граждан России. Его предрассудки помогает популяризовать концепция Шмитта [Михайловский 2008; Аронсон 2017] и ее эпигоны в теории и политике.

Здесь СССР никакой новизны не содержал. Большинство политических режимов держится на кадрах профессиональных религиозных предпринимателей, военных, полицейских, юристов и чиновников. Эти кадры «решают все», обладая монополией на информацию о реальных процессах в реальных обществах, на участие в политике и формирование политической повестки дня. Антимонопольного законодательства в этой сфере России до сих пор не существует. Одновременно негласный запрет на занятия политикой определил рамки деятельности современных российских бизнесменов. Значит, возрожденная советская номенклатура влияет на сознание и поведение «безмолвствующего большинства» России (если воспользоваться концептом Ф. Броделя). Она придает множеству своих частных точек зрения и властно-конъюнктурному произволу ранг государственных интересов, обладающих (по ее мнению) всеобщностью, необходимостью и обязательностью. До каких пор будет продолжаться такая монополия? – вопрос открытый.

Сохранение центр-периферийных отношений в стране позволяют его конкретизировать в процессе изучения специфики генезиса и структуры полицейского общества в России в целом и в каждом ее регионе на протяжении предыдущих двухсот лет [Чернуха 2020: 15–43]. Для этого автор разработал концепты полицейизирующих и полицейизированных профессиональных групп. К первой относятся члены указанных частей государственного аппарата. Ко второй – все остальные профессиональные группы в той степени, в которой они неспособны к выработке самостоятельной социальной и политической мысли. И бездумно копируют образ мысли и поведения первой группы. Это – ресурс подданнического типа политических культур (по типологии Г. Алмонда и С. Верба). Для него свойственна ориентация на персонифицированную власть и ее исполнительные органы, а не на законодательные органы и личность как участников политического процесса. Такова ситуация в нынешней России.

На протяжении последних двадцати лет обозначилось также стремление значительной части молодежи попасть в вузы, которые готовят смену «своих чужих». Это тоже способствует трансляции верноподданности в новые условия – независимо от реформ сверху¹.

В 2000-е гг. для обобщения синтетического исследования бюрократии, оппозиции и легитимности автор разработал общую методологию социально-политического анализа под названием политической концептологии. Ее предмет состоит в изучении связей политики со всеми сферами природной и социокультурной реальности с одновременной полемикой со всеми формами влияния традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма и идеократии на когнитивные и политические процессы. Политическая концептология состоит из трех частей: дисциплинарной (синтез результатов анализа политики в философии, экономической теории, социологии, политологии, юриспруденции, историографии и теории политического контекста); идеологической (синтез основных идей и аргументов либерализма, консерватизма, социализма, марксизма, феминизма, экологизма, коммунитаризма, анархизма); концептуальной (изучение основных политических концептов – от свободы до толерантности).

Множество феноменов социально-экономической и властно-управленческой реальности России, сложившихся после «исторической» (в 1917 г.) и «геополитической катастрофы» (в 1991 г.), если мы согласны с указанным жаргоном, может быть описано с помощью данно-

---

¹ Здесь надо учитывать исключения из правил. Цикл работ С.А. Денисова свидетельствует, что критическую позицию в отношении статус-кво могут занимать и профессиональные полицейские, опыт которых (прежде всего концепция административного общества и его воспроизводства в новых условиях) и демократические убеждения заслуживает всестороннего изучения. Денисов С.А. Персональный сайт. – Доступно: <http://denisov11-12.narod.ru/>. – 26.08.2020.

го инструментария на междисциплинарном, идеологическом и концептуальном уровнях. Речь идет о систематическом изучении процессов, результатов и следствий деятельности советской (российской) бюрократии в сферах экономики, социальной и профессиональной структуры, политики, идеологии и культуры России. В современном марксизме, социализме, коммуитаризме и феминизме проблема бюрократии рассматривается как центральная для всего круга социальных наук. На этом пути возможны серийные фундаментальные и прикладные сравнительные исследования государственных аппаратов постсоветского пространства, включая Россию.

К настоящему времени реализована незначительная часть замысла. Для обозначения сложившейся в стране связи бюрократии с обществом автор ввел метафору «сжирубешенство» (путем преобразования русской поговорки в имя существительное). Эта метафора позволяет анализировать экономические, социологические, политические, агентурные и идеологические аспекты воспроизводства советской номенклатуры после 1991 г. [Макаренко 2016]. А также множество их политических, идеологических и культурных следствий.

Сжирубешенство – это прежде всего вопиющий разрыв между доходами трудящихся в различных сферах материального и духовного производства – и баснословными доходами «своих чужаков» в обмен на верноподданность. Становление данного разрыва доказано социологическими исследованиями [Шкаратан, 2009], а также множеством форм структурного насилия, существующих в России. Эти факты надо поставить в связь с комплексом теорий справедливости и практикой их реализации в постсоветской России. И дополнить изучением влияния данного разрыва на все социальные процессы, включая культивирование политической лжи и цинизма в стране, а также отношения России с Украиной.

Речь идет о разработке концепции, которая позволяет критически относиться к политической истории и системе России до 1917 г., с 1917 г. до 1991 г., после 1991 г. до настоящего времени – с одновременным дистанцированием от рутины «западничества» и «славянофильства». Необходимость такой концепции объясняется двумя кардинальными фактами: вожди Советской России не смогли заблокировать влияние царской бюрократии на советскую власть; господствующие меньшинства России не смогли заблокировать влияние советской номенклатуры на нынешнюю систему власти. Значит, категории *всемирно-исторической трагедии* и *аппаратного государства* Виттфогеля сохраняют эвристический потенциал, но их надо нагружать материалом конкретных исследований российского общества и государства.

К настоящему времени систематизированы результаты дискуссий по проблемам бюрократии и авторитаризма, связи насилия с политической бюрократией, политической бездарности с государственными интересами, которая ведутся в России на протяжении последних тридцати лет.

Поле выбора

Проанализированы также типы определений бюрократии. В них обычно отсутствует различие описания и оценки, а также другие составные части теоретического знания [Степин 2000]. Мера адекватности социального анализа (включая изучение бюрократии) в общем виде определяется конкретно-историческим пониманием и институционализацией различия между естествознанием и социо-гуманитарным знанием. Особое влияние на это различие оказывают культурно-исторические модели отношения между наукой и властью [Наука и кризисы 2003]. В зависимости от преобладания в стране колониально-имперской, революционно-бюрократической или самодержавно-бюрократической модели ставится и (не)решается проблема познания связей между бюрократией и экономикой, социальной структурой, политикой, идеологией и культурой.

Не менее важна проблема взаимосвязей теоретических и политико-управленческих аспектов описания пространственно-временной специфики русской бюрократии. Типичная точка зрения сводится к ее идеализации и пропаганде концепта народной монархии как перспективы будущего тысячелетия России [Прохоров 2002; Сергейцев, Куликов, Мостовой 2020].

Мой подход к определению предмета и структуры теории бюрократии со времени создания первой книги состоит в формулировке трех вопросов: как выделяется (устанавливается) предмет исследования (в данном случае – бюрократия)? какие категории (понятия, концепты) используются (конструируются) для анализа данного предмета? какие правила (закономерности) поведения бюрократии фиксируются с помощью данных категорий (понятий, концептов)? Эти вопросы я вначале ставил в отношении классического корпуса сочинений и писем К. Маркса и Ф. Энгельса (второе издание на русском языке), сочинений М. Вебера (первое посмертное издание) и В.И. Ленина (пятое издание). А ответы затем использовал для описания советской и постсоветской России. При этом возникал ряд марксоведческих, вебероведческих и лениноведческих проблем, которые здесь не рассматриваются [Современные методологические стратегии 2014].

Напомню только, что в политике Маркс-Энгельс-Ленин, с одной стороны, и Вебер – с другой, занимали диаметрально противоположные позиции. Однако в отношении к русской бюрократии их позиции совпадали – были резко отрицательными. Этот весьма показателен и требует особого разбора. Попутно замечу, что множество суждений Маркса-Энгельса-Ленина о русской бюрократии 150–100-летней давности вполне можно применить к описанию нынешней администрации России и нагрузить конкретным материалом для уточнения и развития. Речь идет о российской структуре «трехбуквенных организаций» (новация О. Хархордина), при анализе которой надо обойти выбор между прикормленным общественником и бессильным критиком [Хархордин 2020: 157].

Для решения данной задачи был сформулирован концепт дистанции исследователя от социально-политической конъюнктуры и всего корпуса социально-политических знаний. Обычно эти знания производны от традиционализма, экономикоцентризма, кратоцентризма, идеократии. На этом пути возникает возможность систематизации комплекса причин, объясняющих вневременной характер отрицательной оценки русской бюрократии.

Вебер создавал свою концепцию легального господства с бюрократическим (рациональным) штабом управления для акцентирования отличия Европы от Китая и Индии. Однако вслед за Марксом Вебер определял русскую бюрократию как паразита, единственный смысл которого состоит в поддержке баланса политических сил в обществе. Отсюда вытекала специфика русского самодержавия, которое, по мнению Вебера, инициировало неразрешимые проблемы исключения бездарей из политического процесса России и ликвидации взаимосвязи между российским империализмом, интеллектуализмом и национализмом [Вебер 2007]. Современные труды дополняют это прозрение Вебера столетней давности [Соловьев 2017].

Еще один момент совпадения методологии Маркса и Вебера: тот и другой требовали беспощадной критики существующего общества и связанной с ним официальной социальной науки. Маркс создал фундамент критической теории общества, которая на протяжении XX века развивалась не только в Европе, но и в СССР [Маркс против марксизма 2017]. Вебер сформулировал концепт познавательного радикализма ученого. Оба имели в виду факт: в повседневной жизни поведение людей непоследовательно и происходит без рефлексии. Люди не размышляют, а приспосабливаются к существующим традициям и нормам поведения. Не формулируют принципы своего поведения с беспощадной (к себе и другим) последователь-

ностью и редко в состоянии их реализовать. Поэтому трудно достичь ясности социологических понятий и методов.

Ученый обязан руководствоваться когнитивным интересом, который не всегда совпадает с гражданским и политическим долгом. При несовпадении ученому трудно открывать предпосылки, принципы и причины всех рутинизированных форм поведения и действия, включая бюрократические стереотипы. Отсюда вытекает методологическое следствие: чем больше люди и институты взаимно приспособляются друг к другу, тем больше должен быть познавательный радикализм ученого. Но этот принцип в социальных науках XX в. реализовывался только в той мере, в которой не нарушал писанные и неписанные правила господства власти над наукой [Подвластная наука 2010]. Всеобщая история догматизма в социальном познании и его социально-политические следствия в каждой стране еще не написана. Подступами к ней можно считать критическую теорию государства и связанные с ней проекты анализа бюрократии как класса [Бурдые 2016; Фуко 2011; Ясаи 2008 и др.].

Взгляды на бюрократию Маркса и Вебера вызревали в различном методологическом контексте. Мысль Маркса формировалась прежде всего в полемике с гегелевской философией права, в которой постулировалась связь между семьей, гражданским обществом и государством. Гегель считал, что каждой из них присуща особая форма сознания – патриотизм, корпоративный дух, государственный разум, из которых он выводил «политическую мудрость» правительства. Маркс отвергал эту процедуру и видел в ней предпосылку бюрократического отношения к действительности. Однако Маркс разрабатывал монистический подход к исследованию истории общества, предлагая свой вариант материалистического понимания истории, теории капитализма и теории революции.

Вебер развивал дуалистический подход к анализу социальных объектов. Стремился создать такой вариант теории модернизации, который базируется на идее о ведущей роли компромиссов в истории европейской культуры (от сословия древнееврейских пророков до сословия Возрожденческих юристов и религиозных вождей Реформации). На этой основе он отвергал революционное развитие общества и связанную с ним этику убеждения, типичную для русских революционеров.

Прогнозы Маркса и Вебера относительно перспектив преодоления бюрократии в будущем обществе тоже кардинально различались. Маркс уже в работах 1850-х гг. считал ликвидацию бюрократии элементом преодоления политического отчуждения. На этой основе он сформулировал задачу слома государственной машины и реализации множества других требований, благодаря которым предполагалось устранить бюрократию. Вебер настаивал на том, что бюрократизация есть необходимая составная часть процесса демократизации, которая определяет перспективу будущего общества.

На протяжении XX века оба подхода к проблеме бюрократии конкурировали друг с другом и существенно повлияли на либеральную, консервативную, социалистическую и марксистскую мысль и практику. Современная методология науки к настоящему времени не сформулировала определенных критериев в пользу одного из подходов. Практика тоже не дает на них абсолютного ответа. Хотя давно стало ясно, что невозможно достичь абсолютной свободы от ценностей (на чем настаивал Вебер) при отражении социальных объектов. С другой стороны, марксова программа слома государственной машины при ее реализации в условиях России привела к небывалому расширению и укреплению бюрократии, перед которыми меркнут как оптимистические, так и пессимистические прогнозы.

Видимо, можно согласиться со Станиславом Андрески: категория рациональности, образующая основание веберовского толкования социального действия, и вытекающие из нее типы легитимного порядка, включая легальное господство с бюрократическим штабом управления, является ахиллесовой пятой всей социологической теории Вебера, из чего выте-

кает проблема выявления и описания общих ошибок Маркса и Вебера [Andreski 1992; Андрески 2012].

Начальным этапом реализации этой задачи можно считать вывод тридцатилетней давности: никакого рационального управления Россией не было, нет и не предвидится [Бюрократия, авторитаризм... 1993]. Нынешняя популярность Вебера в России еще ничего не говорит о мере обоснованности его теории. Перспектива выбора теории бюрократии Вебера или Маркса в значительной степени определяется возможностями операционализации каждой из них до уровня методик конкретных социологических исследований государственного аппарата России и других постсоветских стран. Однако «свои чужие» социальные группы обычно уклоняются от таких исследований. Значит, теорию бюрократии надо развивать в соответствии с нормами политической критики [Уолцер 1999].

Andreski S. 1992. *Maxa Webera olsnienia I pomyłki*. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.

Алаев Л.Б. 2019. *Проблематика истории Востока*. – М.: ЛЕНАНД.

Андрески С. 2012. Самое уязвимое место: понятие рациональности. – *Проблемы политической философии: переводы, комментарии, полемика: коллективная монография*. Под ред. В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону: Ростиздат.

Арендт Х. 2014. *О насилии*. Пер. с англ. Г.М. Дашевского. – М.: Новое издательство.

Аронсон О.В. 2017. *Силы ложного: опыты неполитической демократии*. – М.: Фаланстер.

Бурдые П. 2016. *О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992)*. Пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой; предисл. А. Бикбова. – М.: Издательский дома «Дело» РАНХиГС.

Бюрократия, авторитаризм... 1993. Бюрократия, авторитаризм и будущее демократии в России (материалы круглого стола). – *Вопросы философии*. – № 2.

Вебер М. 2007. *О России: избранное*. Перевод А. Кустарева. – М.: РОССПЭН.

Восленский М. 2005. *Номенклатура*. – М.: Захаров.

Галеев К.Р. 2011. Теория гидравлического государства К.Виттфогеля и ее современная критика. – *Социологическое обозрение*. – Т. 10. – № 3.

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. 2007. *Проблема «элиты» в сегодняшней России: размышления над результатами социологического исследования*. – М.: Фонд «Либеральная миссия».

Денисов С.А. 2020. Персональный сайт. – *Электронный ресурс*. – Доступно <http://denisov11-12.narod.ru/>. – 26.08.2020.

Иноземцев В.Л. 2013. *Потерянное десятилетие*. – М.: Московская школа политических исследований.

Ионин Л.Г., Шкаратан О.И. 1989. Паркинсон и бюрократы (послесловие – диалог). – Паркинсон С.Н. *Законы Паркинсона: сборник*. Пер. с англ., сост. и авт. предисл. В.С. Муравьев. – М.: Прогресс.

Клямкин И., Кутковец Т. 2020. Как нас учат любить Родину? – *Электронный ресурс*. – Доступно: <https://www.demosgasy.ru/article.php?id=1136>. – Проверено: 15.04.20.

Макаренко В.П. 2016. *Русская власть и бюрократическое государство*. 2-е изд. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета.

Михайловский А.В. 2008. Борьба за Карла Шмитта. О рецепции и актуальности понятия политического. – *Вопросы философии*. – № 9.

- Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов.* – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Подвластная наука... 2010. *Подвластная наука? Наука и советская власть.* Рос. акад. наук, Ин-т философии. Сост., научн. ред. С.С. Неретина, А.П. Огурцов. – М.: Изд-во «Голос».
- Подорога В.А. 2010. *Апология политического.* – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ.
- Прохоров А. 2002. *Русская модель управления.* – М.: ЗАО «Журнал Эксперт».
- Российское государство... 2007. *Российское государство: вчера, сегодня, завтра.* Под общ. ред. И.М. Клямкина. – М.: Новое издательство.
- Сергейцев Т.Н., Куликов Д.Е., Мостовой П.П. 2020. *Идеология русской государственности. Континент Россия.* – СПб.: «Питер».
- Современные методологические стратегии... 2014. *Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод.* Коллективная монография. Под общ. ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. – М.: Политическая энциклопедия.
- Соловьев К. 2017. *Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна.* – М.: Новое литературное обозрение.
- Степин В.С. 2000. *Теоретическое знание.* – М.: Прогресс-Традиция.
- Уолцер М. 1999. *Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века.* – М.: Идея-Пресс.
- Филиппов А.Ф. 2005. *Техника диктатуры: к логике политической социологии.* – Шмитт К. *Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы.* Пер. с нем. Ю.Ю. Коринцы; под ред. Д.В. Кузницына. – СПб.: Наука.
- Философия и идеология... 2018. *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна.* Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. – М.: Прогресс-Традиция.
- Фуко М. 2011. *Безопасность, территория население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году.* Пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука.
- Хайтун С.Д. 2016. *Номенклатура против России. Эволюционный тупик.* Изд-е 2-е. – М.: ЛЕНАНД.
- Хархордин О. 2011. *Основные понятия российской политики.* – М.: Новое литературное обозрение.
- Хархордин О.В. 2020. *Республика, или Дело публики.* – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Хобсбаум Э. 2004. *Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991).* – М.: Издательство Независимая Газета.
- Чернуха В.Г. 2020. *Эпоха Великих реформ – шаг на пути от полицейского к правовому государству. – Исследования по истории внутренней политики России второй половины XIX века: Сборник статей Валентины Григорьевны Чернухи к 90-летию со дня рождения.* Сост., вступит. ст. И.Е. Барыкиной. – СПб.: Нестор-История.
- Шкаратан О.И. 2009. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России.* – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп».
- Штраус Л. 2001. *Три волны современности.* – Штраус Л. *Введение в политическую философию.* Пер. с англ. М. Фетисова.. – М.: Праксис.
- Эппле Н. 2020. *Неудобное прошлое: память о государственных преступлениях в России и других странах.* – М.: Новое литературное обозрение.
- Ясай Э. 2008. *Государство.* Пер. с англ. Г. Покатовича под ред. Ю. Кузнецова. – М.: ИРИСЭН.